

Березина Евгения

10 класс, ЧОУ «Санкт-Петербургская школа ТТИШБ», Санкт-Петербург

**Рецензия на спектакль «Глория Транзит. Существенные мелочи дел»
(Инженерного театра АХЕ)**

НИЧТО НЕ ВЕЧНО...

Идти на спектакль и не знать, к чему готовиться, для человека, не терпящего сюрпризов, - сродни прыжку с парашютом. Мне об Инженерном театре АХЕ было известно немного, но то, что удалось прочитать или услышать, предвещало: прыжком может и не ограничиться.

Все началось в Петербурге в 1989 году, в арт-центре на Пушкинской, 10, где Максим Исаев, Павел Семченко и Вадим Васильев – участники легендарного театра «ДА-НЕТ» – создали свой проект АХЕ, реализующий идеи их Учителя – Бориса Понизовского о визуальном театре, в котором главное – язык жестов, знаков, символов.

Б. Понизовский был новатором, режиссером будущего. К примеру, по воспоминаниям поэта Анри Волохонского, он предлагал устроить висячий зрительный зал в центре пространства, чтобы само театральное действие летало вокруг; или другой театр – для тактильных чувств - в виде кишки со сменяющимися внутри фактурами, чтобы зритель проползал, а его эти фактуры то гладили бы, то щекотали, то чесали и царапали. Все это у него называлось «Моя теория театра». И вот его ученики и последователи превратили теорию в практику и стали выступать во дворах, на лестницах, в галереях Санкт-Петербурга с неповторимыми акциями-перформансами, принесшими им быстрое признание артистических кругов. С приходом в 1999 году актрисы и режиссера Яны Туминой труппа приобрела стабильный состав и название «Инженерный театр АХЕ», указывающее на обязательное

присутствие в постановках мобильных декораций и конструкций, чья участь быть измененными или уничтоженными во имя потребностей Искусства и Человека. Ведь в постановках АХЕ отношения героев с пространством и вещью преимущественно конфликтны.

Постоянный участник и номинант театральных событий, проектов и фестивалей по всему миру (обычно в номинации «Эксперимент») АХЕ всегда зрелищен. И это Зрелище – вроде бы для всех, но на самом деле только для тех, кто может понять, почувствовать, увидеть в импровизациях, располагающихся где-то «между практиками шаманизма и эстетическим театром», то, что хотят донести создатели. А это непросто... «Имея свой совершенно определенный круг тем и образов, – пишет современная критика, – набор сценических ключей и иероглифов, ахейцы опытным путем подбирают ключи к разным дверям, нарушая привычное использование вещей, ломая религиозные, социальные и культурные стереотипы». Павел Семченко и Максим Исаев делают то, что Антонен Арто (автор концепции «Театра жестокости») называл обращением к человеку тотальному. «Слова мало говорят уму, – писал Арто, – по сравнению с пространством, переполненным звуками и грохочущими образами». Он предлагал «театр, в котором жестокие физические образы давят и гипнотизируют чувственность зрителя, захваченного театром как вихрем высших сил». Арто полагал, что официальные театры с их авансценами и драматурги с их сценариями «помеха волшебству истинного ритуала»

В общем, встреча с этим театром и привлекала, и настораживала... Анонсы на афишах спектакля – «Существенные мелочи дел», «Сиюминутное кабаре», «Песни на ребрах» – и обнадеживали, и навевали страх за испорченный – в перспективе – вечер воскресенья. Адрес на билете также не внушал доверия: Шоссе Революции, 84, – угрюмое место на карте города... Трубы, пустыри, да продуваемые ветром унылые строения промышленных зданий...

И вот передо мной «Завод слоистых пластиков», в глубине которого где-то притаился «Порох» – «место радикального высказывания, где ваши чувства будут задеты, а мозг занят!». Предъявляю билет вахтеру и через вертушку следую по плану вдоль немногочисленных объектов стрит-арта, скромно расположившихся в недрах действующего предприятия.

Как известно, театр начинается с вешалки. «Порох», и в данном случае «АХЕ» – начинался со столовой, которая сама по себе – с ее шаткими столиками под пожившей клеенкой – вполне «тянула» на арт-объект. Не говоря уж о публике, постепенно наполняющей ее.

Зрительская толпа обычно хорошо анонсирует будущее действие. На этот раз наблюдать было захватывающе интересно. Кто все эти люди? В оранжевых пиджаках, зеленых туниках, вечерних платьях, прикрывающих грубые ботинки, в свитерах до колен, с дредами и татуировками? Модели, только что сбежавшие с подиума, позабыв переодеться в свое? Участники спектакля? Многие из них знакомы между собой: веселые приветствия, объятия, громкие разговоры, обсуждения каких-то недавних или будущих событий – спектаклей, выставок. Они постепенно заполняют пространство, занимают столики, пьют дешевый кофе.

Но вот приглашают пройти. Иду – по длинным, скучным конторским коридорам, по железным заводским лестницам – в неизвестность... и попадаю в бывший цех – небольшой темный зал с деревянными скамейками. Где-то над сценой, почти под потолком, непринужденно наигрывая, сидят музыканты группы «The Legendary Flower Punk»...

Спектакль презентует Ведущий. Он говорит о том, что подобные спектакли – чистая импровизация и что сам не знает, чем дело обернется... Действие начинается.

Сцена как таковая отсутствует. Перед нами многоярусное пространство – с навесами и углублениями. Посреди основной площадки девять больших перевернутых столов: каждый из них – остров, который впоследствии, как и все в этом спектакле, будет трансформироваться, менять облик и предназначение, становиться кораблем, плахой, брачным ложем, переходить от одного героя к другому или принадлежать сразу всем, превращаясь то в опору, то в ловушку. Изначально предполагалось, что сегодня в «Инженерном театре АХЕ» дают «Гамлета». Правда, немного настораживал изображенный на афише Шекспир в гриме Джокера и главный заголовок «Глория Транзит»: что это такое и как это связано с тем, что мне предстояло увидеть, – я себе не представляла.

И вот оно – началось. Уличный театр в крошечном помещении... Гамлет-Шут-Петрушка, кривляясь и пританцовывая, устраивается над сценой – практически под потолком. Все причастные смеются в предвкушении. Остальные застыли в напряженном ожидании. Я думаю о том, хорошо ли закреплена доска, сидя на которой, Гамлет заигрывает со зрителями. Он почти вторгается в личное пространство, размахивая ногами над моей головой.

На сцену выходят герои знакомой трагедии – они все тут, вплоть до «золы каминной». Но угадывать, кто здесь, кто, оказалось делом бесполезным: на протяжении спектакля ни за одним актером не осталось его изначальной роли – сложно было сказать, когда Горацио стал Гамлетом, а Офелия – Гертрудой. Актеры прыгали с одного стола на другой, танцевали, отбивали чечетку, играли от души – в основном, на нервах и чувствах зрителей, – разминая, будоража, встряхивая. Вакханалия... Пир во время чумы... Король умер, да, здравствует Король. Всё действие построено на образах и ассоциациях: нет ничего устойчивого в том мире, куда вернулся осиротевший принц датский... И все это до сцены поединка Гамлета и Лаэрта, когда, раскачиваясь на прикрепленных к потолку веревках, герои

парили в воздухе и размахивали шпагами, наводя на мысль о кровавой резне в «Убить Билла». После гибели брата на сцене торжественно появляется Офелия с наполненным водой ведром, в которое тут же погружают ее голову убитый Лаэрт и его убийца. С этого момента становится понятно: «Гамлета» нам тут не дадут. Зато дадут нечто иное – борьбу с собой, своими страхами, зажимами и стереотипами.

В конце первого акта, когда неискушенный зритель более или менее привык к полному отсутствию логики последовательного действия и к бесконечным играм с огнем (в буквальном смысле этого слова) – ломается «четвертая стена» Гамлет решает стать режиссером постановки и начинает руководить. Актеры разбредаются, отказываются что-либо делать, играют на гитаре, поливают друг друга и зрителей из шланга водой. Нет, не Гамлет правит балом... Он трагически падает с «балкона» и «умирает» ... Все устали — заканчивается первый акт.

Сама идея «Глории Транзит», или «сиюминутного кабаре», родилась в 2008 году. Она состояла в том, чтобы сделать вечер театральных импровизаций в двух отделениях. Чего ждать? Этого до начала спектакля не знает никто. Понятен только принцип действия, который зашифрован в самом названии – «Глория Транзит», заимствованном частично у римлян. Известное латинское изречение «*Sic transit gloria mundi*» в переводе означает «Так проходит мирская слава». Эти слова звучат в виде возгласа во время церемонии вступления в сан нового Римского Папы, перед которым трижды сжигают клочок ткани в знак того, что всё земное, в том числе получаемые им власть и слава, изменчиво и тленно. Призрачность, тщетность бытия красной нитью проходят через постановки Глории Транзит. Все, к чему привык зритель, он обязан отбросить. АХЕ заставит взглянуть на историю свежим взглядом непосвященного младенца, которому ничего еще не известно. Актеры сожгут мантию и трон. Не в них нуждается Гамлет...

«Быть или не быть?» Историю в первоизданном виде – вот что предлагает зрителю этот театр.

Второй акт начинается, как ни в чем не бывало: набирая обороты и скорость в тасовании карт – различных сцен из истории принца датского и его окружения, заставляя вспомнить первые – детские (или первобытные) ощущения от земных стихий и человеческих страстей. Спектакль, синтетически объединяющий в себе различные виды искусств, состоит из хаотически сменяющихся комбинаций цвета, фактуры, формы, света, звука. Действие дробится на ряд взаимозаменяемых, самоценных эпизодов. Бесполезно пересказывать происходящее. Тут нет привычной логики обыденного. Можно лишь описать комбинации чувств и ощущений, которые рождаются в тебе, как в зрителе, от присутствия в этом жерле проснувшегося вулкана. Раз уж пришел на представление АХЕ – не жди пощады: уйдешь отсюда другим, если только не закроешь глаза и уши. Увиденное изменит тебя.

Время от времени, останавливая спектакль, выходит читать свои стихи – о Дании и не только – солист группы «Последние танки в Париже» Леха Никонов. На фоне абсолютной естественности и красоты движений актеров, четкого воплощения ими изначального замысла Никонов выглядит несуразно. Он еле взбирается на стол, выходит с запозданием, запинается, тянет время, читает с листа, нечетко, без рифмы и с чрезмерной экспрессией:

От Дании легко сойти с ума –

Здесь ссоры, холода и казни,

И принц наш затевает что-то в том же роде.

Он наяву мечтает о свободе...

Актеры в скуке разбредаются. Зритель также терпеливо переживает паузу. Возможно, в этом и есть замысел режиссера: обнаружить чужеродное тело, человека из другого теста, который показывает, насколько слабее и нелепее

сказанное слово выражает мысль в атмосфере данного театра-изобретения, чем гармония действия. Или же это метафора – сам Гамлет, который оказался вне общества? Он не понят, не мил, даже глуп в своих попытках что-то вербально донести до тех, кто его окружает... тех, кто несется в бешеном ритме жизни, не задумываясь о смысле и не рефлексирюя.

Но пауза заканчивается. Неловкий поэт исчезает. И вновь котел представления бурлит, то и дело норовя плеснуть на зрителей своим горячим варевом, пугая, удивляя и восхищая. В итоге всё выливается в мощнейший перформанс, вольготно раскинувшийся в смеховой культуре уличных театров – с ее огненными колесами, провокациями, воинственными танцами, жизнью и смертью, со всей палитрой театральных аттракционов и «находок режиссера». В метре от первого ряда разбушевавшиеся актеры поджигают три стола и прыгают по ним, разбрасывая горящие остатки мантии и короны. Моё желание сидеть в этой огненной пляске поближе к ведру с водой оказалось напрасным.

В итоге все вместе с актерами, стоящими на столах и поющими «Бедный, бедный Гамлет! Бедная Гертруда!», – оказались под дождем из шланга. С Гамлетом покончено... «Дыши в суровом мире, чтоб мою поведать повесть». Теперь надо чем-то загасить пылающее воображение, притупить разбуженные животные страхи и охладить разгоряченные головы тех, кому в этот вечер посчастливилось оказаться в «Порохе» вместе с «АХЕ».